

Эдуард Трескин

БЫТЬ или казаться?

размышления по поводу

101

Однажды на уроке истории, классе, примерно, в шестом, строгая учительница Зоя Петровна спросила Нину Иванову, сидевшую со мною за одной партой, что сделал князь Олег с Константинополем. Нина встала и нерешительно ответила:

– Он... это... он его, как бы, победил.

– Что значит «как бы»? – возмутилась учительница. – В исторической науке понятия «как бы» не существует. В истории должна быть точность – даты ли это, события, имена государственных деятелей, их деяния... Прибил князь Олег свой щит к воротам Царьграда? Прибил. Так завоевал Олег Царьград или нет?

– Ну, завоевал, – потупилась Нина.

– Вот это – правильный ответ, – похвалила учительница. – Только «ну» говорить не нужно. Завоевал – и точка! Садись, ставлю... четыре – за неуверенность.

Нина села за парту и продолжила увлекательное занятие – замазывать имена исторических мужей в учебнике и подписывать их портреты именами наших одноклассников, а также учителей. Я сидел с ней рядом и, скосив глаза, наблюдал за этой работой. Действительно, почти каждому из сорока пяти наших одноклассников можно было

найти двойника. Тогда я впервые обнаружил, что, да, у людей есть двойники в мире истории.

Так, Игорь Милицын был похож на Джордано Бруно – с такой же длинной шеей и глазами соколиными. Вовка Петрухин был копией кардинала Ришелье в отрочестве – только плоёного воротника не доставало. Вместо него Петрухин носил обычный белый, на котором всегда сияла свежая клякса. Ира Глушук напоминала Николая Коперника причёской «каре», крупным носом и крепкой челюстью. Отличник Олег Багров высоким круглым лбом и маленьким, упрямо сжатым ртом, наоборот, смахивал на портрет слегка располневшей Жанны Д'Арк. А директор школы Иван Иванович Толмачёв в профиль был вылитый Иван Грозный.

Прошло много лет – и выражение «как бы» плотно вошло в нашу жизнь, словно подчёркивая её виртуальность. Как бы свобода и как бы демократия прекрасно уживаются с как бы профессионализмом и как бы талантами.

Одно время у нас в стране считалось модным и современным проводить диспуты на тему: «Быть или казаться, что важнее?» Разумеется, в конце диспута все дружно признавали: главное –

быть. Быть талантливым – важнее, чем слыть. Быть добрым – важнее, чем выглядеть таковым. Быть трудолюбивым лучше, чем кипучим лентяем. И так далее... Диалектический материализм вкупе с социалистической моралью, собственно, и не предполагал ничего другого.

Но что происходит сейчас?

Реклама товара стала важнее, чем сам товар. Бренд – выше качества.

Если писатель, то непременно обладатель всевозможных премий – Державина, Букера, Антибукера, Русского Букера и так далее, вплоть до Нобелевской.

Если оперный певец, то обязательно лауреат международных конкурсов,

телевизионных проектов, почётных званий и наград.

И это главное – награды, лауреатство... За ними порой и писателя не увидишь, и певца не услышишь.

И так – во всех областях жизни, с различными вариациями.

Имитация достигла таких высот, о которых прежде и не мечтали. Писать стихи – легко, есть электронный «Помощник поэта», он и рифму подберёт, и строфу за тебя закончит. Петь – тоже нетрудно. Существует немало студий, где тебе за определённую плату и голос «поставят» и любую песню аранжируют. Стать учёным – пожалуйста, были бы деньги: и диплом получишь, и диссертацию. Правда, закон всемирного тяготения вряд ли сформулируешь, но это и не важно – кто сейчас этого любителя лежать под яблонями помнит...

Самое главное – быть в правильной тусовке. Только тусовка помогает осознать собственное величие.

Вот как обстоит дело с модой – не знаю. Что важнее – быть модным или казаться? Всё-таки, наверное, казаться важнее. А то из тусовки вылетишь.

Приведу пример из близкой мне области – оперного искусства. Теперь в любом оперном театре певцы поют на языке оригинала. Верди и Россини – на итальянском, Гуно и Бизе – на французском, Вагнера – обязательно на немецком. Моцарта, правда, можно и на немецком, и на итальянском. Ну, а Генделя – на английском, конечно. Он, хоть и немец, но в Лондоне работал. Аутентичное звучание, естественная фразировка,

102

на злобу дня:
интернет-версия

размышления по поводу

приближение к подлиннику – так музыковеды объясняют.

«А как с пониманием текста быть?» – спросит кто-то.

Да ведь над сценой находится электронное табло, по нему текст бежит на русском языке. Сидишь, слушаешь, смотришь то на сцену, то на табло – и наслаждаешься. Всё, как в лучших домах. Только вот какой это язык? Если французский, итальянский, немецкий, то уж с таким акцентом, с каким «их» певцы исполняют свои партии в наших «Пиковой даме» и «Евгении Онегине». Не приходилось слушать?

Ну, с оперой в стиле «бельканто» ладно, там всё-таки самое главное – тембр, красота пения, кантилена...

А как, скажем, быть с «Севильским цирюльником»? С шутками и репликами, которых там немало? Не успевает зритель и на сцену смотреть, и на табло, и пением насладиться, и вовремя на словечко смешное среагировать. Засмеётся только на лестнице по дороге в буфет или домой. Но ведь можно хотя бы комедии, где важно само слово, ставить на языке зрителя. Любовные оперы – уж ладно! По музыке, голосам, жестам – всё понятно. Но ведь не каждое остроумное словцо в комедии передашь жестом...

Про режиссуру я уж и не говорю. Фишка в том, чтобы попасть в нужное время и нужное место.

«Аида» из Древнего Египта переносится в современный Израиль, где евреи бегают с автоматами «узи», а палестинские террористы, разумеется, с «калашами».

В «Евгении Онегине» главное – угадать сексуальную ориентацию героев. А детали могут быть разными: от алкоголички Ольги Лариной до вывозимого в инвалидном кресле Гремина, от Онегина в солдатской шинели до обритого наголо Ленского. Кстати, именно с творением Чайковского почему-то экспериментируют больше всего.

«Кармен» – в публичном доме. «Фауст» – в пионерском лагере. «Риголетто» – на Марсе. Шик!

А сказки, сказки – Боже мой! Где они – народные, мудрые смешные, всякие – те, что знали наизусть?

Их переписывают, обрабатывают так, что от привычного текста ничего не остаётся. И ведь ладно, если бы хорошо переписывали – нет же! Полуграмотно пересказывают, «как бы» интерпретируют... Но гонорар эти графоманы получают реальный.

Нет, в наше время важнее – казаться. Зачем прибавать щит к воротам Царьграда? Достаточно того, что об этом напишут в СМИ.

Как говаривал в своё время Наполеон в известном анекдоте: «Мне бы такую прессу – никто и не узнал бы, что я проиграл битву при Ватерлоо!».